

УДК 141

Д.В.Трубин

Архангельский региональный общественный фонд «Музей леса»
имени заслуженного лесовода РФ А.Ф.Заволожина, г. Архангельск

**МИР АКАДЕМИКА МЕЛЕХОВА: ЖАРОВИХА, АРХАНГЕЛЬСК, СЕМЬЯ,
ЗЕМЛЯКИ, БЕЛОМОРСКАЯ ТАЙГА**

*Доклад, сделанный на
Мелеховских чтениях (2015).*

Говорить о личном большого человека всегда непросто. Можно потревожить интимное. Но рассказать надо, чтобы понять, из какого материала выросла глыба и в какой среде сформировалась выдающаяся личность. Важно знать, из каких источников корифей начал напиваться знаниями и какие родовые ценности пронёс через всю жизнь.

Личный мир академика Ивана Степановича Мелехова - это не только столичные круги лесного штаба страны, кулуары Академии наук и мировое сообщество учёных лесоводов. В его мире важное место занимал беломорский Север, о котором он с большой теплотой уже на закате жизни писал в своей книге «О родном Севере». Читая её, убеждаешься, что Иван Степанович на всю жизнь оставался северянином.

Известно, что Мелехов родился в деревне Старая Жаровиха под Архангельском. Первооснователи северных деревень были не лишены поэтичности и оригинальности при подборе названий. Там, где место не было наименовано ещё раньше угро-финнами, они называли его звучно и образно: Жаровиха, Студениха, Золотица, Бабонегово, Трепузово, Кобелёво, Пердуново, Дураково ... Почти как у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Но деревня деревне рознь! Одни – маленькие, другие – большие. Одни – в лесной глуши, другие на - просторе. Старая Жаровиха расположилась на высоком берегу широкой и полноводной Северной Двины. Выше деревни до горизонта просматривался просторный плёс шириной в два-три километра. Напротив деревни за широкой водной гладью обширные острова, пойменные луга. Вниз по реке уже проглядывались архангельские лесозаводы, пригородные застройки.

За задворками деревни проходил старинный почтовый Московско-Санкт-Петербургский тракт. До пятидесятых годов он был проезжим весьма относительно, поэтому в город было проще съездить на маленьком пароходике местных судоходных линий. Кроме маленьких парашодиков по Северной Двине мимо Жаровихи проплывали и большие белоснежные суда, а также бесконечные вереницы плотов, тяжело нагруженные баржи, сновали лодки и поморские карбасы. Но Двина была не только труженицей, но и кормилицей. Жители прибрежных деревень всегда были с рыбой, а нередко кормилица баловала их и сёмгой, и нельмой, и стерлядью. Часто с недалёкого студёного Белого моря на речное благолепие наплывают тяжёлые низкие тучи. Сиверко смина-

ет водную гладь крутым «взводнем», и тогда не только на утлой лодочке, но и на добротном карбасе или на катере по Двине не проплыть. Но, тем не менее, красавица река придавала прибрежным жителям широту души. Наверное, коллеги Ивана Степановича согласятся, что это свойство ему было присуще.

А ещё жители двинских берегов были весёлыми и озорными людьми. Об этом свидетельствует современник Мелехова, архангельский писатель-сказочник Степан Писахов. Своего озорника Сеню Малину он списал с реальных жителей соседней деревни Уймы. Писатель не единожды проделывал свой путь на встречу со своими прототипами мимо родового дома Мелеховых, и даже на такой почве между ними поддерживалось доброе знакомство. Иван Степанович и сам был не лишён этого самобытного поморского чувства юмора. Сквозь академическую строгость нередко проскальзывали искорки веселья и озорства.

Вообще-то, северное крестьянство, из недр которого родом академик Мелехов, обладало особыми достоинствами. Один архангельский этнограф утверждает, что оно, принеся с собой в суровый край примерно тысячу лет назад культуру поля, переняло у местных угро-финских племён культуру леса, а у скандинавских варягов – культуру моря. Такое сочетание интуитивных первобытных знаний несомненно помогало выходцам из той среды, вставшим на учёную стезю, осуществлять свою научную деятельность. На это обратил внимание Иван Степанович, изучая научное наследие своего великого земляка Михаила Васильевича Ломоносова, тоже выходца из этой среды (между их родными деревнями всего лишь 55 километров). Он подметил в его чрезвычайно разностороннем творчестве конкретные лесоводственные мотивы и отразил это в своих работах.

Жители пригородных деревень – особый слой северного крестьянства. Они постоянно осязали близость промышленного и культурного центра и осознали связанные с этим возможности: получение дополнительного приработка, выгодную реализацию продуктов своего труда на городских рынках, прикосновение к городским развлечениям, получение образования, перспективы стать городским жителем. Это вселяло уверенность в жизни и одновременно побуждало к мобильности, активности и преодолению деревенской робости. Многие крестьяне работали в городе сезонно или на постоянной основе. А некоторые были состоятельными гражданами, имели солидные капиталы, доходные дома в городе и иные активы, оставаясь при этом в крестьянском социуме.

Род Мелеховых происходит из другой пригородной волости – Лисистровской. Она располагалась за рекой, напротив Жаровихи. Это утверждает коллега и соратник Ивана Степановича, научный сотрудник Архангельского института леса и лесохимии Лев Александрович Варфоломеев. А в Жаровихе отец Мелехова нашёл свою суженную, Екатерину Максимовну Хвиюзову. Не желая быть «в примаках», Степан Андреевич в 1906 году построил свой дом в Новой Жаровихе, буквально в полукилометре от родительского дома супруги.

Дом встал прямо на московско-петербургском тракте. Со временем тракт «вырос» на полтора метра и покрылся добротным асфальтом, а дом осел и сейчас как бы уткнулся лицом в насыпь автотрассы, содрогаясь от проносящихся мимо лимузинов и большегрузных машин.

Дом Мелеховых построен по принципу деревенской избы – с обширным двором для скотины и поветью над ним. Раньше был и традиционный для северной избы «взвоз» – специальный въезд на поветь, чтобы завозить туда поклажу прямо на телеге или санях. Но «перёд» обрёл черты городского дома. Он разделён на светлые комнаты, в них выложены изящные обогревательные печи. Оформлен по-городскому и потолок. Со временем одна из комнат превратилась в кабинет академика с массивным письменным столом, деревянными резными креслами, книжными полками. Сейчас дом на по-

печении сына академика – профессора Северного Арктического федерального университета (бывшего Архангельского лесотехнического института) Владимира Ивановича Мелехова. Он не переделал родовую усадьбу в современную загородную резиденцию с шикарным коттеджем. Здесь правит элементарная скромность российского ученого да желание сохранить привычный уклад и некоторую мемориальность в придачу.

Сам дом, несмотря на столетний возраст, стоит крепко, но приусадебное хозяйство постоянно требует ухода. Негоже усадьбе академика зарастить бурьяном. Поэтому Владимиру Ивановичу приходится каждый сезон заниматься земледелием, ландшафтным дизайном и благоустройством. Лиственницы, посаженные Иваном Степановичем в послевоенные годы, вымахали в могучие деревья, а берёзы вообще создают сейчас проблемы, грозя оборвать провода. «Академическая» баня тоже потребовала коренной реконструкции.

Другие сыновья Мелехова: Александр и Евгений, в силу географических семейных обстоятельств, стали москвичами с северными родовыми корнями. Один стал высококвалифицированным инженером, другой – ученым, педагогом, доктором биологических наук. Владимир и Евгений по сути продолжили научную биографию отца, и это придавало Мелехову могучие положительные импульсы в творческой деятельности. Когда в 1962 году Мелеховы переехали в Москву, младших сыновей забрали с собой, старшего же оставили «заложником» родного Севера. А до переезда жили одной дружной семьёй. Сыновья росли, матерели, занимались спортом, а родители радовались их успехам. Ученик Мелеховых пятидесятых годов, профессор Леонард Фёдорович Ипатов вспоминал, что они часто ходили в спортзал института поболеть за сыновей, когда те играли в баскетбол. Наверное, профессорский этикет не позволял им свистеть и громко кричать, но можно представить, сколько положительных эмоций переполняло родителей, когда их рослые отпрыски, почти целая команда, переигрывали соперников. Следует заметить, что все мелеховские ученики вспоминают академика всегда в паре с его супругой, Тамарой Анатольевной, преподавателем дендрологии. И трудно уловить, о ком теплее всплывают воспоминания. Восхитительная семья! Могучий фундамент для творческой деятельности!

А в те давние годы, когда родовая усадьба Мелеховых только обживалась, отец Ивана Степановича работал на лесозаводе Суркова и Шергольда. Это было крупное и современное по европейским меркам предприятие. Хозяева были прогрессивные предприниматели в лесной отрасли. Именно они были зачинателями целлюлозно-бумажного производства. Правда, не сумев решить земельные вопросы у себя в Архангельске, они построили Сокольско-Сухонскую бумажную фабрику в Вологодской губернии, первую в регионе. Но технический прогресс лесной отрасли генерировался здесь, на «6-ой версте». Именно здесь состоялись первые опыты по гидролизу древесины и получению древесного спирта, осуществлялась новомодная электрификация производства, решались социальные вопросы рабочих. Лесопильное же производство в их корпорации было приоритетным. В нём применялись самые передовые в мире технологии, и поэтому архангельский «красный товар» удерживал прочные позиции на европейских рынках.

О географии местности той поры можно судить по аэрофотоснимку, который сделали немецкие лётчики в 1942 году, отслеживая цели для бомбардировки важного советского порта. За предыдущие три десятилетия местность изменилась мало. На правом краю немецкого снимка четко видны и Старая, и Новая Жаровихи, а на самом обрыве заметен и родовой дом Мелеховых. По левому краю – 3-й лесозавод, где работал отец и начинал трудовую деятельность будущий академик. Между ними 8 вёрст. Чтобы отработать смену, нужно было каждый день пересечь пешком всю территорию аэрофотоснимка, а можно было и переночевать в заводском бараке.

На снимке видно, что так же, как и в детские годы Мелехова, этот пригород Архангельска насыщен небольшими деревнями, связанными еле видимыми на снимке просёлками. Они тяготели к речным берегам и окружались лесными ненарушенными ландшафтами, уходящими в неведомую дремучую даль. Для их жителей лесная среда была желанна и обыденна: и грибы с ягодами, и заготовка любой лесины, и дальний лесной промысел, и просто побродить.

Почти параллельно Двине, в 2-3 километрах от двинского берега протекает тихая лесная речка Юрос. В этом междуречье лес свой, домашний для баб и малых ребят, а за Юросом – дикий и бескрайний, до самой лесотундры. У многих местных жителей (и Мелеховых, в том числе) в прибрежных кустах припрятаны лодчёлки, чтобы переправиться на тот берег и окунуться в настоящую девственную тайгу. Каждый местный мужик считал своим долгом похвастать дальними походами, далёкими заимками и охотничьими приключениями. Иван Степанович тоже с отроческих лет познавал настоящий северный лес, заюросские дебри, и эти навыки очень пригодились в последующем, когда пришлось совершать много полевых экспедиций по лесным объектам. Он был не только учёный муж, но и коренной таёжник. Когда много позднее пришла пора определить место институтскому дендросаду, он по карте уверенно ткнул пальцем на Савкину гору за Юросом. Там дендросад потом и разросся.

Видны на немецком снимке признаки предвоенного и военного времени. В годы первых пятилеток между Жаровихой и 3-м лесозаводом появился новый лесозавод, будущий экспериментальный лесозавод ЦНИИМОДа. Северная лесопилка ширилась. Разрослась новыми корпусами Фактория – архангельский рыбный порт. Тут же появился уникальный комбинат по переработке морских водорослей. Весь снимок пересекала линия «Папанинской дороги». Ею была решена стратегическая задача перевалки поступающих по Лендлизу грузов из аванпорта «Экономия» на железнодорожные пути на левом берегу. Ведь не было моста через Двину! И родилось смелое военное решение – проложить железную дорогу с конечной станции левого берега прямо по льду Двины, по болотам вокруг города, через речку Кузнечиху и на «Экономию». Вышла на лёд она совсем возле мелеховской Жаровихи. Говорят, что когда первый поезд въехал на лёд, и машинист испуганно притормозил, почувствовав зыбкость пути и потрескивание льда, уполномоченный Совета Обороны, начальник Главсевморпути, адмирал Папанин вышел перед паровозом и решительно зашагал по вмерзшим в двинской лёд шпалам к противоположному берегу, по-командирски увлекая за собой состав.

Но это было уже в военные годы, когда Иван Степанович лишь изредка навещался в отчий дом. Он тогда, как и все труженики тыла, работал в институте в режиме военного времени. А в годы его детства семья только обустранивалась на новом месте. Отец работал на лесозаводе, осваивая весь цикл лесопильного производства. Благодаря крестьянской основательности и трудолюбию, он вскоре стал квалифицированным рабочим, получил должность старшего браковщика пиломатериалов. Такие люди относились к элите лесопильного пролетариата.

Весьма кстати в 1912 году на окраине Жаровихи открылось двухклассное училище, и семилетний мальчик Ваня осваивал там грамотность. Здание училища видно и на немецком аэрофотоснимке, и на современных космоснимках в Яндексe, только сейчас оно находится уже в частной собственности и используется в качестве загородного дома одной архангелогородской семьи. Естественно, что когда наступил подростковый возраст, отец привёл Ваню на свой лесозавод приобщать к трудовой деятельности и вносить свой вклад в семейный бюджет. В те времена на каждом лесозаводе было много рабочих мест для мальчиков: уборка опилок, «принеси-подай» старшему рабочему, сортировка и штабелёвка досок, возчик на «медведке». И так далее, поэтапно, к высокому званию рамщика, станочника или браковщика. Надо полагать, Иван получал строгие наставления отца: «не задавайся», «слушайся старших», «приглядывайся к мастеро-

витым рабочим»! То лесопильное производство, повторимся, было совершенным, высокотехнологичным и высокоорганизованным многолюдным механизмом. Оно завораживало деревенского подростка и побуждало к знаниям. Поэтому следующим этапом образования стала учёба в городском техническом училище в центре Архангельска.

Виктор Иванович Кашин, тоже соратник Ивана Степановича по институту леса и лесохимии, научный сотрудник тех лет и краевед, предполагал, что в этом старейшем каменном здании Архангельска 200 лет назад располагался Северный округ департамента корабельных лесов, первый лесной штаб региона.

Потом Мелехов продолжил образование в Архангельском индустриальном техникуме, который располагался тоже в великолепном старинном здании на набережной Северной Двины. Здесь, как и в училище, юный Мелехов, покинув отчий дом, приобрел кроме знаний ещё одно важное качество – самостоятельность. Казалось бы, диплом техника открывал широкую дорогу в новую, бурно развивающуюся индустриальную жизнь, гарантировал хорошее трудоустройство и карьеру – чего ещё надо? Но у юноши обнаружились недюжинные способности и амбиции. Загорелась мечта о высшем образовании в главном ВУЗе страны. Для северной провинции это было смелое решение. Но дальновидный отец поддержал и благословил юношу, и не пришлось ему, как Ломоносову, сбежать из родного дома.

В Ленинградском лесном институте, куда поступил Мелехов, начался отсчёт судьбы выдающегося лесного деятеля. Там он прикоснулся к элите отечественной лесной науки, воочию увидел и услышал корифеев: лесоустроителя М. М. Орлова, лесовода М. Е. Ткаченко, зоолога и энтомолога М. Н. Римского-Корсакова, миколога А. А. Ячевского, фитопатолога С. И. Ванина, флориста А. И. Толмачёва, дендролога и геоботаника В. Н. Сукачёва, почвовед К. К. Гедройца, таксатора Н. В. Третьякова, лесокультурника Н. П. Кобранова. Ещё в тех стенах витал дух великого Морозова и других отцов отечественного лесоводства: Арнольда, Рудзского, Шафранова, Кайгородова. В такой атмосфере Мелехов познал научные основы мироздания и премудрости практического лесоводства.

Возвращаясь на каникулы в родную Жаровиху, Мелехов уже производил среди земляков солидное впечатление. Рос его авторитет. Познав основы лесной мелиорации и защитных свойств леса, в очередной приезд в 1928 году он быстро решил старую деревенскую проблему: зимой дорогу в город постоянно переметало сугробами. Начинаящий лесовод понял, что надо посадить вдоль дороги снегозащитные лесополосы. Деревенское сообщество живо откликнулось на учёную инициативу и дружно вышло на общественную работу. Было высажено тремя рядами, по науке спланированными студентом, несколько сот маленьких елочек. Они долгие годы отлично исполняли свою функцию и сейчас ещё радуют глаз. Это первые на Севере целевые лесопосадки. Год спустя на станции Обозерской начал промышленные лесокультурные опыты великий новатор, учёный-практик Сергей Венедиктович Алексеев, с которым в последующем Иван Степанович много контактировал. На коллективном фото большого совещания в 1951 году они сидят рядом. Они ведь были первыми докторами наук в Архангельском лесотехническом институте.

За годы учёбы личностный мир Мелехова чрезвычайно расширился и обогатился. Столичная научная среда формировала будущего маститого лесовода. Особое притяжение он испытывал от Михаила Елевферьевича Ткаченко. Но властно притягивал и родной Север. После окончания института в 1930 году молодой учёный и его учитель организовали в только что созданном Архангельском лесотехническом институте кафедру лесоводства. Ткаченко формально становится заведующим. Он своим авторитетом создаёт престиж новому направлению, наездами читает лекции, опекает своего молодого коллегу, а Мелехов с энтузиазмом тащит остальную воз проблем кафедры. Этот пример единения столичной и региональной науки показателен. Такой принцип Иван

Степанович пронёс через всю жизнь. Сам, став в последующем столичным учёным светилом, он никогда не допускал дистанцирования от региональной науки и был крепким связующим звеном. Благодаря той политике в российских провинциях развились многочисленные продуктивные очаги науки и образования (в частности, в Архангельске – это детища Мелехова: кафедра лесоводства и почвоведения АЛТИ (САФУ), лесохозяйственный факультет, редакция «Лесного журнала», а также Архангельский институт леса и лесохимии). А столичные научные школы получали обратный приток энергии (рост востребованности, запросы и заказы, расширение проблематики, самобытные интеллектуальные посылы, новые потоки экспериментального материала). К сожалению, сейчас и столичная, и региональная наука переживают нелёгкие времена, иногда приходится выживать в одиночку, а без поддержки столичных коллег закрываются региональные научные учреждения. Но традиции Ткаченко и Мелехова всё же продолжают жить. Например, ближайший соратник и ученик Ивана Степановича, Николай Александрович Моисеев, профессор МГУЛа, тоже академик, постоянно в теснейшем контакте с региональными коллегами, в том числе и с северянами. Его проекты и в Вологде, и в Архангельске, и в маленьком заштатном городке Вельске, где его стараниями функционировал филиал МГУЛа.

До последних дней своей жизни Иван Степанович был связан тесными узами с родным Севером. Из числа многочисленных его научных публикаций во многих соавторах были северные учёные. Ещё большее число северян-лесоводов считают себя его учениками. Немало их стало кандидатами и докторами наук. Последний его аспирант, Александр Степанович Ярунов, тоже северянин, успешно преподаёт в САФУ. Выдающийся земляк всех северян Иван Степанович Мелехов всегда живо откликался на любые региональные мероприятия, проводимые на Севере. Последнее такое мероприятие с его участием и организованное по его инициативе, международная конференция по бореальным лесам, было в 1991 году. Тогда он в возрасте 86 лет по своему обыкновению участвовал во всех пленарных заседаниях и прошёл уже немалыми своими ногами все полевые экскурсии. Сегодняшние носители живой памяти об Иване Степановиче уже не молоды, но они с удовольствием предаются воспоминаниям о великом земляке.

Значительная (а может большая) часть жизни Ивана Степановича прошла на научном и административном «олимпе». Чтобы оставаться там, недостаточно было иметь выдающийся научный талант. Та жизнь изобиловала многими политическими коллизиями, поворотами, интригами особого масштаба и необходимостью постоянно решать задачи чрезвычайной сложности. Требовалось политическое чутьё, высокая принципиальность, ответственность, мудрость да и просто много душевных и физических сил. Думается, что преодолеть все эти трудности Ивану Степановичу помогала опора на тот личный мир, который его окружал и питал жизненной силой.

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор с.-х. наук В. А. Азарёнок.